

Пространство европейской цивилизации

(О книге Норберта Элиаса «О процессе цивилизации»)

В 1935 г. Норберт Элиас рассказал своему бывшему сокурснику по Оксфорду А. Глюксману историю, приключившуюся в XIII веке с одной византийской принцессой на обеде у венецианского дожа. Когда та попыталась есть золотой вилочкой, двор был в шоке. Церковь посылала проклятия на голову этой несчастной особы, которая и в самом деле через некоторое время скончалась от какой-то тяжелой болезни. По мнению епископа Бонавентуры, то была Божья кара дерзкой принцессе, не пожелавшей касаться пальцами данной Господом пищи. Случай с принцессой Элиас использовал в качестве иллюстрации, объясняя, что он подразумевает под процессом цивилизации, которую как раз в то время начал исследовать.

Норберт Элиас, известный культуролог, работы которого сегодня успешно осваивают российские гуманитарии, прожил длинную жизнь: родился 22 июня 1897 г. и умер 1 августа 1990 г. Он окончил классическую гимназию в родном Бреслау и намеревался поступить в университет, но этому помешала Первая мировая война. По возвращении с войны – учеба одновременно на двух факультетах: медицинском и философском. Затем семинар Ясперса, на котором Элиас впервые столкнулся с проблематикой культуры и цивилизации. Ясперс попытался раскрыть своему студенту все величие социологической мысли М. Вебера, но в тот момент молодой человек не прислушался к словам философа, поскольку находился под сильным влиянием своего учителя Р. Хенихсвальда – представителя марбургской школы неокантианства, отвергавшей экзистенциальную философию. В 1923 г. Элиас успешно защищает диссертацию и после некоторого вынужденного перерыва отправляется в Гейдельберг, чтобы специализироваться в области социологии. В духовной жизни этого города царил атмосфера «мифа Вебера», чему способствовало то, что кафедру социологии в университете занимал брат Макса Вебера Альфред, а в качестве неофициального центра социальной мысли выступал салон Марианны Вебер. Там Элиас знакомится с К. Маннгеймом, вместе с которым, в надежде получить хабилитацию¹, переезжает позднее во Франкфурт-на-Майне. Однако вскоре к власти пришли нацисты, и все научные планы были расстроены. В эмиграции Элиас продолжил работу над темой «культура – цивилизация». Диссертация, посвященная этой теме, была подготовлена в 1939 г., но вышла в свет лишь в 1969 г. под заглавием «Придворное общество». Той же проблематике

---

¹ *Хабитация* – высшая академическая квалификация в некоторых европейских странах.

посвящена и его основная работа «О процессе цивилизации»², принеся автору всемирную известность.

Работая над «Придворным обществом», Элиас изучал возникновение института дворянства, королевской власти и придворного общества. Затем он обнаружил в книгах о манерах и этикете весьма полезный эмпирический материал и использовал его для теоретического анализа механизма королевской власти и придворного поведения. Получилось дополнение социогенеза государства психогенезом индивида. Особо важным в фазе работы над книгой «О процессе цивилизации» было открытие значения и пользы литературы о манерах. Еще в процессе подготовки диссертационной работы «Придворное общество» Элиас обнаружил, что поведение в соответствии с придворным этикетом представляло собой функцию взаимоотношений представителей княжеских и королевских дворов Европы и что формы выражения индивидуальных аффектов и чувств отличаются на различных стадиях развития общества. Затем он исследовал это обстоятельство точнее и развил модель процесса цивилизации. Предварительные результаты были освещены в двух томах «О процессе цивилизации». Глюксман, вспоминая историю с вилок, рассказанную ему Элиасом, говорит о намерении последнего проанализировать процесс цивилизации и указать при этом на различия в пользовании ножом и вилок [1, с. 45].

С раннего Средневековья существуют многочисленные сведения о том, как пользовались ножом за обеденным столом. При этом, как отмечает Элиас, не следует сравнивать столовый нож наших дней с «ножом» того времени. С затупленным острием, наш столовый нож настолько «острый», что порой с трудом удается разрезать им кусок не очень жесткого мяса или мягкий овощ. Его «прародитель» был острым мечом, пользование которым за столом с течением времени все более и более регламентировалось до тех пор, пока он не исчез вовсе, предоставив место тому, что мы называем сейчас столовым прибором. При этом можно наблюдать, как с годами вводилось все больше ограничений в пользовании ножом. Так, например, запрещалось направлять нож острием на кого-либо из сотрапезников.

Эволюция форм использования ножа за столом – многовековой процесс, в ходе которого придворные формы были переняты у высших слоев общества простоллюдинами. Смягчение грубых, агрессивных импульсов отдельных индивидов в придворных церемониях, а позднее посредством буржуазных манер, сопровождается возникновением государственной монополии насилия.

---

² *Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische u. psychogenetische Unterss. 2 Bde. – Basel, 1939; Elias N. Über den Prozeß der Zivilisation. Soziogenetische u. psychogenetische Unterss. 2 Bde.. – Frankfurt a. M. – 1976.*

С вилкой дело обстоит сложнее. В наши дни мысль о том, что жирную пищу из общей миски удобнее доставать с помощью какого-нибудь инструмента, а не пальцами, кажется настолько простой и разумной, что, как правило, за этим не видят никакого процесса цивилизации, который мог бы дополнительно что-то объяснить. И все-таки, введение в обиход вилки прочно связано с процессуальными изменениями психики индивида. В главе «О пользовании вилкой в процессе еды» Элиас размышляет о том, почему сегодня кажется нецивилизованным, невоспитанным и варварским использование вместо вилки пальцев. На первый взгляд здесь нет ничего непонятного: это негигиенично и выглядит совершенно неаппетитно. Этот обычай, считает Элиас, соотносится к понятием стыда и неловкими положениями, что, в свою очередь, связано с возникновением контроля аффектов — введение в обиход вилки является одним из примеров такого контроля. Причину того, что определенные виды поведения в эпоху средневековья вызывали неудовольствие, Элиас видит в медленном, но неуклонном и повсеместном изменении сознания человека, которое вело его к дистанцированию от собственного тела и тел других людей. «Вилка, — пишет Элиас, — суть не что иное, как воплощение определенного стандарта стыда и неловких положений. Как задний план изменения, которое наблюдается в технике еды в период Средневековья и вплоть до Нового времени, всплывает одно и то же явление, которое возникает и при анализе других воплощений такого рода: изменение экономики влечений и аффектов» [2, т. 1, с. 134].

В этой небольшой главе есть два общих, но важных замечания. Во-первых, это указание на то, что процесс цивилизации нравов исходит из «узкого круга» придворных и постепенно закрепляется в обществе, т. е. идет сверху вниз. Во-вторых, этот длительный цивилизационный процесс в наши дни повторяется в ходе социализации детей. Но происходит это так, что формы поведения, которые прививаются им по линии извне внутрь, иногда представляются взрослым «как нечто внутреннее», данное детям природой. Происходит это и потому, что процессуально созданный стандарт — что как раз характерно для процесса цивилизации, — не представляется более неким внешним принуждением. Он стал самопринуждением, чье соблюдение берут на себя индивидуальные механизмы контроля, которые теперь редко нуждаются во внешней поддержке. Процесс этот никогда не кончается и не прекращает долгосрочные изменения, так как состояние общества соответствует не какому-либо завершённому процессу, а в каждом случае исторической или актуальной фазе долгосрочного процесса, начало которого так же трудно определить, как и его конец.

В конце небольшой главы «О пользовании вилкой при принятии пищи» помещено резюме, в котором говорится о целях и результатах всего труда: «Таким вот образом, —

пишет Элиас, — на протяжении столетий протекает социально-исторический процесс, в ходе которого медленно изменяется стандарт чувства стыда и неловкости. На уровне онтогенеза он протекает у каждого индивида с самого рождения, но, соответственно, в сокращенной временной форме. Если пытаться выразить эти повторяющиеся процессы в форме закона, то можно по аналогии с биологическим, говорить о социогенетическом и психогенетическом основном законе» [2, т. I, с. 196]. В приведенной цитате содержится одно из основных правил, в соответствии с которыми Элиас проводит свое исследование. Социальное регулирование и индивидуальные манеры поведения, их содержание и формы, так же как и их изменения, можно адекватно исследовать и понять только в том случае, если основным объектом внимания является социально-исторический процесс «протяженностью в несколько веков». Но это не единственное методическое правило, так как, следуя лишь ему, можно ограничить исследование длительных социальных изменений каким-нибудь одним имеющимся аспектом.

Возможность объединения длительных этапов развития в общие процессуальные модели признается не всеми исследователями. Это имеет в виду структурно-функциональная теория, утверждая, что изменения общества — это норма, а не отклонение от социальных норм. Не без досады и иронии пишет Элиас во введении ко второму изданию «О процессе цивилизации» (1976), что социальная наука могла бы избежать ложного пути североамериканской системной теории структурно-функционального чекана, если бы вовремя была воспринята концепция, выдвинутая им в конце 1930-х годов. Уже на первой странице этой работы Элиас отмечает, что понятие «цивилизация» отражает самосознание христианской Европы. Оно отражает отношение западноевропейского общества последних двух или трех столетий к более ранним или современным «примитивным» обществам.

Дальнейшее изложение посвящено основаниям различных смыслов категории «цивилизация» в английском и французском языках и понятия «культура» в немецком. Исследовать категорию «цивилизация» Элиас начинает с того периода, когда она еще не вошла в научный обиход. Он выявляет момент ее возникновения, «осознания» ее обществом и, наконец, превращения ее в само собой разумеющийся факт. Задача, которую поставил перед собой Элиас, состояла в том, чтобы проследить ход процесса цивилизации в Европе, не употребляя при этом ни спекулятивный, ни ценностно нагруженный стиль, подобный стилю Шпенглера или Тойнби. Для решения этой задачи он обратился к ряду научных источников: к историческим исследованиям, психоаналитическим теориям и социологическим концепциям. Это, в первую очередь, работы Й. Хейзинги, З. Фрейда и М. Вебера. Но, беря в расчет эти три имени, необходимо учитывать, что многообразие

точек зрения на проблему в научной литературе тех лет было настолько велико, что требовалось качественно новое исследование для нахождения некоего синтеза. Необходимые методологические и теоретические инновации были применены не ради их самих, а в связи с имеющимися социальными проблемами. Для Элиаса было важно не выстроить некую общую теорию цивилизации, чтобы затем задним числом проверить, согласуется ли она с имеющимися эмпирическими данными, а, напротив, исследовать формы человеческого поведения, причины их изменения, чтобы в результате обнаружить какие-либо тенденции в развитии общества и, тем самым, избавить категорию «цивилизация» от метафизических оттенков.

Конструкция книги отражает связь проблем. В первой главе ставится вопрос о том, как категории «культура» и «цивилизация» приобрели свое специфическое значение. В противоположность математическим концептам эти представления не могут быть оторваны от изменяющихся исторических ситуаций и превращены в формальные дефиниции. Элиас показывает, как тесно связано развитие категории «культура» с развитием политически бессильной буржуазии в XVIII и начале XIX столетия в немецких королевствах и княжествах. Категория «цивилизация» имеет совершенно иную социальную биографию: она возникла в середине XVIII века в кругах средневекового придворного реформистского движения в Париже. Только анализ предложенной Элиасом категории «фигурация», в которой слова «культура» и «цивилизация» выполняли определенные социальные функции, в состоянии вскрыть действительный смысл этих слов. В общественной науке существовала традиция разграничения и даже противопоставления понятий «цивилизация» и «культура» [3, с. 3]. Эти понятия возникли в разных языках: первое, употреблялось в немецкоязычной литературе, а второе в англоязычной. При этом их содержание почти полностью совпадало. Элиас рассматривал такое положение вещей, как следствие идеологической ситуации в этих странах.

В работе «О процессе цивилизации» Элиас обратил внимание на то, что социальные мыслители XIX столетия (Сен-Симон, Конт, Маркс и др.) писали о том, каким общество должно быть, а обществоведы XX века описывают существующее общество, не интересуясь долговременными процессами и становлением общественных форм. Ни та, ни другая точка зрения, по его мнению, не объясняет социальную реальность достаточно полно. Такие описания общества возникали, на его взгляд, потому, что первые труды по социологии появлялись в индустриальных странах в XIX столетии. Для указанного периода характерно усиление социальной веры набирающих силу индустриальных классов в скорейшее изменение общества, в возможность воплощения в жизнь собственных идеалов. Само общество находилось в становлении. После того, как новые

индустриальные классы закончили свое «восхождение» и интегрировались в структуру общества, новым общественным идеалом стало статичное состояние общества [2, т. I, с.33–45].

Элиас отмечал, что такой идеал закрепляется еще и потому, что к этому времени завершилось формирование национального государства, граждан которого объединяют общая культура и общие национальные границы. Вследствие того, что стабильное общество стало общественным идеалом, в социологических теориях XX века существовала традиция рассматривать общество прежде всего в его статическом виде. Если речь шла об изменениях, то они большей частью считались аномалией, ненормальным состоянием общества. Так, например, с точки зрения классического функционализма, изменения — это отклонения от должного стабильного состояния.

В противоположность подобным теориям, Н. Элиас предложил рассматривать изменения как нормальный способ существования общества, а социальные процессы — в качестве не только не препятствующих, но, напротив, обеспечивающих его функционирование. Он исследовал западноевропейские общества, типичный для них образ поведения людей. Именно в рамках этих обществ и возникло понятие «цивилизация», выполняющее функцию выражения их самосознания. «Для того чтобы понять, что такое «цивилизация», нам необходимо обратиться к историческим изменениям и осознать, что «цивилизация», которую мы считаем господствующей, является процессом, или частью процесса, в котором мы участвуем. Все то, что мы создали: машины, научные открытия, государственные формы, является свидетельством формирования определенных человеческих связей, определенного типа общества и создания определенного вида человеческого поведения» [2, т. I, с. 75].

Впервые противопоставил понятия «цивилизация» и «культура» И. Кант, который в 1784 г. писал, что идея морали принадлежит культуре и применение этой идеи исключительно к манерам и внешним приличиям обозначает лишь только цивилизацию. Но по сути, писал Н. Элиас, это только критика средними слоями немецкой интеллигенции обычаев господствующих придворных слоев, которые в то время говорили по-французски и «цивилизовывались» по французскому образцу. Таким образом, Германия выступила «крестной матерью» противопоставления понятий «культура» и «цивилизация». Понятие «цивилизация» неоднозначно. Во французском и английском языках оно употребляется иначе, чем в немецком. В английском и французском это понятие выражает гордость за собственную нацию, за прогресс Западной Европы и человечества в целом. В немецком же слово «цивилизация» обозначает что-то, безусловно, полезное, но все же это ценность второго порядка, только поверхностная,

внешняя сторона человеческого бытия. А слово, которое обозначает гордость собственными достижениями и ценность первого порядка — это «культура». Слово «цивилизация» французы и англичане относят к политическим и экономическим, религиозным и техническим, моральным и общественным фактам. Немецкое же понятие «культура» относится к духовным, религиозным фактам, фактам искусства. Оно разделяет эти факты и факты политические, экономические, общественные. Немецкое противопоставление «цивилизации» и «культуры» не является чисто теоретической абстракцией. Оно, по мнению Элиаса, является выражением немецкого самосознания. Это противопоставление вызвано расхождением в поведении средних и высших слоев немецкого общества, и тем самым указывает на различие между немецкой нацией и другими нациями [2, т. I, с. 59–92].

Элиас подчеркивал, что в этом контексте употребление понятия «цивилизация» не подразумевало какой-либо национальной дифференциации и вело к осознанию того, что люди должны существовать вместе, тогда как немецкое понятие «культура» подчеркивало национальное отличие, своеобразие группы и было призвано сыграть ведущую роль в объединении страны. Понятия «культура» и «цивилизация» образовались на основе совместных переживаний группы, они «росли» и изменялись вместе с этой группой, являясь ее выражением. В этом смысле разграничение и противопоставление данных понятий носит исключительно идеологический характер, в то время как они описывают практически одни и те же феномены.

В эскизе теории цивилизации Элиас создал модель взаимосвязи между индивидуальными и общественными изменениями. Сам процесс цивилизации он описывал как одновременное протекание двух процессов: на уровне индивида — изменение его поведения (меняется баланс между принуждением индивида другими и самопринуждением, в сторону увеличения последнего); на уровне общества — изменение «фигурации» (своеобразной структуры общества, состоящей из переплетений взаимодействующих индивидов), которую люди образуют друг с другом. Фактическое ядро цивилизационного процесса — это такое изменение структур индивидуальности, которое приводит к появлению и укреплению разных форм контроля людьми своих аффектов, переживаний и поведения. Элиас рассматривал эти две структуры (индивидуальности и социальности) не как постоянные, а, напротив, как изменяющиеся, аспекты одного долговременного процесса цивилизации и образования государства. Понятия «индивид» и «общество» не связаны с двумя отдельно существующими феноменами. Скорее они представляют два неразделимых уровня универсума, образуемого людьми. Эти аспекты имеют характер процессов, изменения в них, как

становящиеся, так и ставшие, необходимо исследовать. Элиас искал возможность четко обозначить и описать эту взаимосвязь между структурами индивида и структурами общества, вытекающую из процесса их становления. Однако он опровергал представления о том, что эта взаимосвязь вытекает из чего-то чуждого структуре, чего-то «только исторического». Становление структур личности и общества происходит в их неразделимой связи друг с другом.

Элиас считал, что термины «индивид» и «общество» являются разными обозначениями одного и того же явления, а не связаны с разными сущностями. Поэтому он ввел понятие «фигурация». Взаимодействие есть основа того, что Элиас называл фигурацией. Фигурацию образуют ориентированные друг на друга, зависимые друг от друга люди. Это различные группы, всевозможные общества. Понятие «фигурация» позволяет описать то, что мы называем обществом, не как некую абстрактную совокупность индивидов и не как «систему» или «целостность», существующую без индивидов. Это понятие описывает общество как переплетение взаимодействий индивидов. Оно становится понятным, если сравнить его с «общественным танцем». Как фигурацию взаимодействующих людей можно описать государство, город, семью или любую систему — капиталистическую, коммунистическую или феодальную. Эти фигурации могут изменяться быстро или медленно [2, т. I, с. 70–73].

Элиас рассматривал общественное развитие как незапланированное и никем не управляемое. Но, одновременно, это все же структурированный и имеющий направление процесс. Переплетение отдельных человеческих планов и действий может вести к таким изменениям, которые не способен запланировать и осуществить отдельный человек. Большинство основополагающих общественных институтов возникли именно в ходе незапланированных процессов, и сами, в целом, являются «незапланированными» следствиями человеческих стремлений. Для Элиаса ненаправленность процесса социальных изменений не исключение, не отклонение от нормального хода событий, а, наоборот, его основа, поскольку непреднамеренные человеческие взаимодействия всегда обусловлены намеренными взаимодействиями людей [3, с. 186–187]. «Непредвиденные последствия», «спонтанный порядок», по мнению Элиаса и многих других авторов, составляют важную область как социологических, так и междисциплинарных исследований. В современной литературе для обозначения факта «спонтанного», незапланированного образования порядка в социальных процессах используют еще термин «аутопойесис» или «самоорганизация». В основе процесса цивилизации, согласно концепции Элиаса, лежит изменение порядка переплетения взаимозависимостей людей, которое определяет ход общественных трансформаций.

По мнению А. Богнера, когда Элиас говорит о «расширении взаимозависимостей» людей (а именно оно лежит в основе формирования государства как способа организации большого общества), он ведет речь не просто об изменяемых образцах «связей между» людьми, но о меняющихся свойствах людей (не в последнюю очередь об изменении границ «я», «мы» и «они»). Элиас не проводит тотальную границу между интенциональным и неинтенциональным уровнями человеческого бытия. Неинтенциональный уровень (его образуют непреднамеренные последствия направленных действий) иначе можно назвать «культурным», «экономическим» уровнем действительности или «нормативным» либо «инструментальным» порядком в обществе. Он тесно связан, а точнее, вытекает из намеренных (интенциональных) действий людей, и, в свою очередь, обуславливает эти намеренные действия. Элиас старался показать, как подчеркивает Богнер, существование способа упорядочивания социальных структур, который отличается от способа упорядочивания структур природных явлений. Этот способ применим к области взаимодействий между человеческими интенциями и действиями. Социологи обычно обозначают эту область как непредсказуемые следствия целенаправленных действий [3, с. 32]. Богнер, рассматривая концепцию Элиаса, делает вывод, что цивилизация и рационализация возникают одновременно с возникновением напряженности между различными функциональными группами социального поля и между конкурирующими людьми внутри них. С этой точки зрения, направление трансформации образа поведения людей является функцией установившегося баланса властей между различными социальными группами и между индивидами, составляющими эти группы. Образование государства объективно показывает основное значение баланса власти. Элиасовская модель описывает ненаправленную динамику ситуации конкуренции между различными княжествами. Эта ситуация меняется в момент возникновения стабильной центральной власти, когда происходит взаимное усиление военной власти и увеличение экономических ресурсов под контролем центра. С бюрократизацией военной машины и монетаризацией экономики достигается тот поворотный пункт, в котором отношения внутри существующего общества переходят в автокатализируемый процесс монополизации государственных властных ресурсов [3, с. 21–23]. Богнер, подробно анализируя концепцию Элиаса, сопоставляет ее с другими известными социологическими теориями. Так, цивилизационные изменения индивидуальных структур, на его взгляд, похожим образом рассматривал З. Фрейд (хотя он пользовался термином «культура», как это принято в Германии). Он проводил параллель между развитием индивида и развитием рода; в этом контексте совесть является историческим результатом социальных отношений. Фрейд, таким образом, выступал против теорий трансцендентального

происхождения морали, хотя и сам приносил метафизический момент, представляя цивилизационный процесс как борьбу Эроса и Танатоса.

В основе теории цивилизации Элиаса лежит указание Фрейда на взаимосвязь между фазами развития индивида и возникновением социальных союзов, которые в ходе истории интегрировали все большее количество людей. Как пример таких социальных союзов Фрейд приводил государства и народы. Он называл их «большими индивидуумами» человечества [3, с. 17–18]. Элиас также подчеркивал внутреннюю «пацификацию» общества благодаря государственной власти. Но все же трансформация структур личности, по его мнению, не является результатом прямого тотального принуждения, которому государство подвергает индивидов. В качестве примера Элиас приводит экономическое принуждение, которое действует и в условиях относительно свободной повседневной жизни. Борьба с властью, дворцовые интриги, зависимость между господином и подданным — от всего этого зависит социальное существование индивидов. Это требует точной дифференциации психического аппарата на «центр влечений» и «центр Я», постоянного перехода от малорационального к рациональному способу мышления и поведения.

Основное направление процесса цивилизации Элиас описывал как трансформацию принуждений. В основе этой трансформации лежит дифференциация социальных принуждений (в том числе перевод социального страха в психологический, который в своей основе все равно остается социальным). В ходе процесса цивилизации устанавливается, наконец, такая структура общества, в котором принуждение индивидами друг друга переходит в самопринуждение. В таком социологическом виде, по мнению Богнера, проявляется у Элиаса теорема Фрейда о вечном конфликте между стремлением к смерти и Эросом, ведущим к образованию всеобъемлющих социальных союзов. У Фрейда была метафизическая программа исследования, Элиас же объясняет социальную историю, устанавливая весь процесс цивилизации в его различных аспектах. В этом смысле можно интерпретировать теорию Элиаса как единственную попытку объяснить те странности в поведении «цивилизованных» людей, о которых размышлял Фрейд и которые особенно отчетливо проявляются во время войны. И если Фрейд усматривает в этом вид психической регрессии, то Элиас диагностирует как раскол «внутренних» норм, контролирующих поведение в мирное время, в отношении членов собственного политического сообщества и норм поведения в отношении людей, принадлежащих другим государствам, находящимся в состоянии войны. Основа такого раскола — в дифференциации на внешнюю и внутреннюю национальную пацификацию [3, с. 26].

Богнер сопоставляет концепцию Элиаса и с теорией рационализации Вебера. Эти две теории объединяет подчеркивание связи индивидуальных и общественных изменений. Социальные изменения зависят от трансформации индивидуальных структур. Но распространение (и возникновение) таких индивидуальных трансформаций возможно только в определенных общественных фигурациях (своеобразных социальных структурах). Вебер и Элиас выстраивают свои теории на большом историческом и эмпирическом материале. Вебер, как и Элиас, прослеживает увеличение самоконтроля индивида над своими аффектами и инстинктами благодаря протестантской религии и считает это формированием нового типа социального габитуса. Он связывает появление новых черт характера человека с формированием нового типа общества. Богнер подчеркивает, что как модель «механизмов монополии» ориентирует Элиаса на признание некой «эволюции» общественного развития, так и модель произошедших изменений наталкивает Вебера на похожую мысль. Не случайно теория образования государства Элиаса принимает веберовское определение государства как монополии власти. Формальная рационализация «политических» и «экономических» организаций, которую Вебер называл «бюрократизацией», вводится прежде всего посредством прочной монополизации и централизации ресурсов власти в этих областях, сопровождаемой разделением членов организации по «средствам управления». Как и Вебер, Элиас постулирует структурную аналогичность между «экономическими» и «политическими» институтами.

Вебер обращает внимание на те аспекты исторического процесса, которые у Элиаса характеризуются через увеличение господства над природой, социального контроля и самоконтроля. В веберовской концепции основой описания механизмов общественного развития, аналогичных «трем основным контролям», служит особое эволюционное состояние: появление протестантского аскетизма среди множества других религиозных направлений. По мнению Богнера, различные варианты понятия «рациональность» применяются Вебером для того, чтобы объяснить те аспекты долговременного исторического процесса, которые можно описать как контроль над инстинктами и аффектами, как монополизацию социальных шансов на власть, как увеличение возможности управления социальными и природными процессами.

Богнер подчеркивает, что, несмотря на различие в терминологии Вебера и Элиаса, за ней стоит одинаковый взгляд на природу социального мира [3, с. 188–190]. Он сравнивает концепции этих авторов для того, чтобы показать, какие проблемы приводят от философского понятия рациональности к признанию незапланированности социальных процессов. Мог ли процесс, описанный Вебером в понятиях рациональности, привести к

иным последствиям, а не к тем, которые соответствуют логике его развития? Веберовское понимание рациональности прямо связано с условиями возникновения и становления конкурентно-капиталистического и национально-государственного порядка.

Надо заметить, что Вебер фиксирует различие между изменением социальных форм организации («бюрократизация»), развитием систем символов (рационализацией права, расколдовыванием и систематизацией картины мира) и изменением направленности ориентаций действия, другими словами между неинтенциональными и интенциональными взаимосвязями и структурами. Но, по сути, он придерживается мнения, что социальное развитие представляется логически направленным процессом раскрытия внеисторического вечного «разума» через рационализацию и расколдовывание мира. Богнер проводит параллели между таким подходом и гегелевским пониманием истории. Он замечает, что в теории Элиаса осмысляется поставленная уже Вебером проблема априорного единства «рациональности» в различных смешанных друг с другом формах контроля и самоконтроля. Ее достаточно, чтобы определить общественные изменения как ненаправленный результат незапланированного социального процесса.

Для Богнера важно указание Вебера на то, что особый симбиоз монополии власти и монополии на средства производства, характерный для европейского Нового времени, был связан со специфическими историческими условиями, в то время как Элиас указывает на автоматическую гармонию политической интеграции и развития рынка, а также на их существенное усиление в этой связи. В отношении структуры личности, которую Вебер описал как протестантско-буржуазную, эмпирическое исследование процесса цивилизации, проведенное Элиасом, указывает на то, что такая личность является фазой и вариантом внутри всеобъемлющих долговременных изменений социальных структур характера, которые невозможно объяснить, исходя только из трансформации теологической или философской системы идей. Вебер описывает социальную действительность как действительность совершающих поступки индивидов; Элиас же представляет ее как неинтенциональные переплетения между различными интенционально действующими людьми. В этом коренное различие концепций Вебера и Элиаса.

В своей книге Н. Элиас проанализировал процесс становления западноевропейской цивилизации. Нужно заметить, западноевропейская цивилизация и европейская цивилизация — это не одно и то же. Но некоторые авторы, считают, что европейская цивилизация возникает благодаря распространению основ западноевропейской цивилизации на другие европейские территории. По всей видимости Н. Элиас придерживается именно такой точки зрения. Этот процесс одновременно

происходил на индивидуальном (формирование определенных способов поведения индивида) и на общественном уровне (возникновение определенных форм взаимодействия индивидов, их организации). Вместе с долговременным историческим процессом строительства западноевропейских обществ происходило изменение «психического габитуса» западноевропейского человека: менялись стандарты его поведения, стиль его мышления. В процессе формирования западноевропейской цивилизации психика людей сыграла такую же роль, как и возникшие новые экономический и политический аппараты власти. По мнению Н. Элиаса, процесс цивилизации — это незапланированный процесс, он начинается с конкуренции многих маленьких княжеств и политических объединений, которые стремятся к гегемонии на большой территории. Постепенно выделяются большие княжества, господствующие над ней. Под их руководством общества объединяются в централизованные образования. Непрерывающееся развитие ведет к возникновению экономических процессов, которые, с одной стороны, вызывают экономическую конкуренцию, а с другой, способствуют большей интеграции общества. Концепция цивилизации Элиаса переместила акцент с поиска того, что есть «сущность цивилизации», на то, каким образом цивилизация изменяется, развивается и т. д.

Н. Элиас сделал основой своей цивилизационной теории поиск связи между различными индивидуальными фазами возникновения и развития социальных союзов, которые в ходе истории объединяли все большее количество людей. В его концепции понятие «цивилизация» — это выражение и символ общественной формации, которая объединяет разные национальности и в которой, как в церкви, есть общий язык (сначала это итальянский, затем французский). Этот общий язык принимает на себя функции, прежде присущие латинскому языку. В нем манифестируется новая общественная основа единой Европы и, одновременно, новая общественная формация — придворное общество. Его самосознание, его характер выражаются в понятии «цивизованность». Это понятие обозначает поведение, которое Н. Элиас определяет как контроль человека над собственными аффектами, появляющийся сначала под влиянием принуждения со стороны других, но постепенно трансформирующийся в самопринуждение. Во всех крупных странах континента и Англии были структуры типа королевского двора. Средневековые общества, несмотря на большие и малые войны, постоянно коммуницировали между собой. Люди, принадлежавшие к ним, вели сходный образ жизни. Центром этой дворцовой цивилизации был Париж. Но подобные явления распространялись не потому, что Франция обладала большей силой по сравнению с другими государствами, а потому, что сходные изменения в нравах и обычаях происходили везде. Только после

Французской буржуазной революции и предшествовавших ей изменений новой формой социальной интеграции стал национальный приоритет [2; т. I, с. 60].

В рамках теории цивилизации нелишним будет привести еще один пример использования Элиасом сведений, позаимствованных из книг о манерах. Большое внимание он уделяет истории изменения взглядов на отношения мужчины и женщины. Исходным материалом для него является книга, написанная Эразмом Роттердамским для сына его издателя в 1522 г. и пользовавшаяся большой популярностью. Только в XIX столетии ее стали критиковать, ввиду заметных изменений во многих сферах жизни: стало не совсем приличным в книгах, рекомендованных для чтения подросткам, описывать дома терпимости и их обитательниц. Во времена Эразма все это относилось к публичной сфере. В XIX и XX вв. они, хотя и продолжали существовать, уже были убраны «за кулисы» общественной жизни. В эпоху Средневековья от детей ничего не скрывали. Теперь же была воздвигнута стена, которая ограждала подростков как от любых высказываний о сексе, так и от сексуальных практик. В Средние века вполне естественным считалось то, что после свадебного застолья родственники и гости сопровождали новобрачных до самого брачного ложа, в их присутствии и с их помощью раздевались и ложились на него. На исходе средних веков, отмечает Элиас, этот обряд начинает медленно меняться. Вначале жених и невеста в присутствии родственников ложились в кровать одетыми, затем отказались и от этого обычая. То, что сегодня новобрачных иногда сопровождают до дверей спальни или дома, а затем жених переносит невесту через порог и закрывает за собой дверь, есть не что иное, как часть процесса создания порога стыда в сфере отношений между полами.

М. Шретер, ученик и последователь Элиаса, в работе, посвященной социо- и психогенезу заключения брака в XII–XV вв., изучил ранние формы господствующих ныне официальных форм его заключения [4]. Социогенез брака содержит в себе изменяющийся баланс власти между мужем и женой, родителями и сыном или дочерью, а также постепенное вытеснение соседского контроля и надзора за прохождением этой процедуры. «С уменьшением власти родственников и соседей все более возрастает ответственность за контроль над своими влечениями каждого отдельного человека; создается личный психический аппарат, выполняющий эту задачу. Развитие растущей индивидуализации заключения брака, вплоть до выбора партнера и растущее сексуальное вытеснение — это две стороны одной медали» [4, с. 397].

Здесь Шретер вслед за Элиасом показывает, что ослабление постороннего контроля и усиление самоконтроля происходит одновременно с оформлением и развитием государственной и, в особенности, церковной регламентации этого события. Вначале все

детали заключения брака обсуждаются «представителями семей». Здесь объединения родственников и соседей являются последней инстанцией социального контроля. Начиная с XIII в., эти функции постепенно переходят в руки государства и церкви. Само введение обряда церковного венчания можно понять, лишь рассматривая его как выражение прогресса в создании государства, которое везде и всюду осуществлялось за счет захвата последней части власти семейных союзов.

Завершая главу об изменениях во взглядах на отношения мужчины и женщины, Элиас пишет: «Движение процесса цивилизации в направлении более сильной и полной интимизации всех телесных функций, заключения их в определенных анклавах, перенесения их «за закрытые двери» имеет самые различные последствия. Одно из самых важных последствий, которое очень заметно на примере цивилизационного процесса развития полов — это своеобразная расщепленность человека, которая заметна тем сильнее, чем больше становится разделение между сторонами человеческой жизни, а именно теми, которые открыто представлены в общественных отношениях людей и теми, которым этого не позволено, которые должны оставаться “интимными” или “тайными”» [2, т. I, с. 264]. Иными словами, в ходе цивилизационного процесса жизнь человека разделяется на скрытые сферы с соответствующими им формами поведения и публичные, которым свойственны собственные формы. Это расщепление всегда ведет к более или менее автоматическому самоконтролю, к подчинению кратковременных порывов приказам привычного предвидения, к образованию более дифференцированного и жесткого аппарата «сверх-Я» [2, т. II, с. 265]. На первый взгляд может показаться, что в этом случае Элиас просто присоединяется к мысли З. Фрейда, которую тот высказал, полемизируя с марксистами в 1933 г. в своем «Новом продолжении лекций к введению в психоанализ». Процесс цивилизации — Фрейд, как указывалось выше, подразумевает здесь под словом цивилизация культуру — существует наряду с развитием экономических потребностей. Посредством него вытесняются цели влечений индивидов и изменяется их поведение. Следующие слова Фрейда можно считать постановкой задачи обществоведам того времени: «Если бы кто-нибудь был в состоянии показать, в частности, как эти различные моменты: всеобщая человеческая инстинктивная предрасположенность, ее расовые различия и их культурные преобразования, ведут себя в условиях социального подчинения, профессиональной деятельности и возможностей заработка, тормозят и стимулируют друг друга, если бы кто-нибудь мог это сделать, то тогда он довел бы марксизм до подлинного обществоведения» [5, с. 483–484]. С выходом в свет работы «О процессе цивилизации», содержащей оригинальную теорию цивилизации, задача, поставленная Фрейдом, была в целом решена.

Труд Норберта Элиаса «О процессе цивилизации» содержит еще много историко-культурного материала, с помощью которого показана верность созданной автором теории. Здесь и формы поведения за столом, и моделирование придворного разговора, формы отправления естественной нужды и поведения в различных помещениях. Все это богатый материал для историко-антропологических исследований.

Список литературы

1. *Gluckman A.* Norbert Elias on his eightieth birthday. //Human Figurations. Oxford? 1978.
2. *Элиас Н.* О процессе цивилизации. В 2 т. – М., 2000.
3. *Bogner A.* Zivilisation und Rationalisierung: Die Zivilisationstheorien Max Webers, Norbert Elias' und die Frankfurter Schule im Vergleich. – Opladen? 1989.
4. *Schroeter M.* Wo zwei zusammenkommen in rechter Ehe ... Sozio-und psychogenetische Studien ueber Eheschissunsvorgaenge vom 12. bis 15. Jahrhundert. – Frankfurt am Main, 1985.
5. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Курс лекций. – СПб., 2000.